

ЧТО НАПИСАНО ПЕРОМЪ, ТОГО НЕ ВЫРУБИШЬ И ТОПОРОМЪ.

(Короткій отвѣтъ на два длинныхъ обвиненія).

Наша небольшая замѣтка о литературныхъ пріемахъ редакціи *Душепол. Чит.*, помѣщенная въ *Январ.* книжкѣ въ отдѣлѣ „Изъ текущей журналистики“, вызвала собою двѣ большихъ апологіи, напечатанныя въ *Майской* кн. *Душепол. Чит.*, изъ которыхъ одна, подъ заглавіемъ „Противъ очевидности и мимо запросовъ жизни (стр. 119—139)“ принадлежитъ г. редактору журнала, проф. А. И. Введенскому, другая составлена архим. Никономъ на тему: „Нужно читать, какъ написано (стр. 140—148)“. Обѣ статьи весьма родственны по содержанию и стилю, часто повторяютъ однѣ и тѣже мысли, иногда почти буквально, и занимаются не столько опроверженіемъ сдѣланныхъ нами въ *Январской* замѣткѣ выводовъ, сколько нашей личностью, соперничая между собою въ изобрѣтеніи колкихъ и оскорбительныхъ для насъ выраженій ¹⁾. Не имѣя ни желанія, ни способностей состязаться

¹⁾ Вотъ нѣсколько полемическихъ перловъ изъ отвѣта редактора: „статья (Спасскаго) обнаруживаетъ рѣшительную безпечность автора по части передачи чужихъ мыслей (120)“, „идеть противъ очевидности (125)“, „доказываетъ, что дважды два—пять (126)“, „содержитъ одно отрицаніе и порицаніе съ примѣсю значительной дозы дешеваго глумленія (128)“, „составляетъ безтактную и часто непристойную полемическую выходку (138)“. Авторъ ея „принадлежитъ къ числу несдержанныхъ и неразборчивыхъ въ словахъ людей (127; прим.)“, „размѣниваетъ вопросъ на мелкую монету личныхъ укоризнъ (129)“, онъ—„новый рыцарь литературнаго безпорядка, высадившій изъ сѣдла прежняго ратоборца... Выѣзжаетъ на полемическое ристалище безъ страха, но... съ мелкими уколами по адресу чужихъ самолюбій... и притомъ уколами какимъ-то первобытнымъ, тупымъ копьемъ, которое полемистъ предварительно всякій разъ

со своими литературными противниками на этой почвѣ, и вообще съ крайней неохотой принимаясь за перо, мы находимъ все-таки необходимымъ дать нѣкоторыя объясненія,— и только по поводу обвиненій, возведенныхъ на насъ редакторомъ Душ. Чт.

1) Прежде всего нѣсколько краткихъ словъ о „подмѣнѣ вопроса“¹⁾... Такъ какъ нашъ выводъ по этому пункту основывался на сопоставленіи точныхъ и притомъ самыхъ *существенныхъ* извлеченій изъ статей г. Круглова, арх. Никона и г. Введенскаго, то понятно, что пытаться устранить его можно было или путемъ отрицанія прямого, очевиднаго для всѣхъ смысла ихъ, или посредствомъ противопоставленія имъ другихъ выдержекъ изъ тѣхъ же статей, но имѣющихъ уже побочное и второстепенное значеніе. Этими приемами и пользуется г. Введенскій въ своихъ отвѣтныхъ разсужденіяхъ. Съ одной стороны, онъ старается ослабить и затушевать принципиальный характеръ проэкта г. Круглова. Изъ статьи Круглова,—пишетъ г. Введенскій,—Спасскій „береть лишь отрывочныя фразы и на нихъ только строитъ все свое заключеніе. И притомъ какія фразы! Изъ неопредѣленныхъ самыхъ неопредѣленныхъ! Кругловъ-де призываетъ иноковъ на службу, которая не противорѣчитъ прямой задачѣ монастырей, не исключаетъ ея... которая не находится въ противорѣчій съ высокою сущностью монашества (стр. 124)“... Нѣтъ, однако, никакой надобности еще разъ доказывать,—потому что это очевидно для всякаго, читавшаго статью г. Круглова не затуманенными предвзятой оцѣнкой глазами,—что въ этихъ словахъ почтеннаго автора выражена была самая „суть“ его призыва, обращеннаго къ монашеству, основная мысль его; все другое составляетъ лишь дальнѣйшее развитіе этого главнаго положенія, предлагаетъ рядъ примѣровъ возможнаго для монастырей примѣненія его къ жизни. И, конечно, было бы странно вести

обильно смачиваетъ въ своей собственной желчи (135)... и т. д. и весь этотъ букетъ преподносится намъ подъ именемъ „тонкой и изящной полемки (135)“.

¹⁾ Терминъ „подмѣна вопроса“ заимствованъ нами отъ редакціи Душ. Чт. Употребляя его, мы хотѣли въ точной формулировкѣ возвратитъ обвиненіе на о. Архим. Евдокима по его собственному адресу. Лично мы предпочли бы другой оборотъ.

рѣчь о пригодности для иноковъ той или другой „формы служенія“, не обосновавъ предварительно обязательности для нихъ служенія ближнему вообще. Кругловъ ограничился простой установкой своего основного тезиса (не „неопредѣленной“, а весьма точной), не подвергая его подробному обсужденію, но и это понятно; вѣдь, его тезисъ опирается и непосредственно вытекаетъ изъ прямыхъ заповѣдей Евангелія. Между тѣмъ, это-то именно главное положеніе г. Круглова, „суть“ его статьи, въ Окт. кн. Душ. Чт. и было объявлено г. Введенскимъ, „какъ типичное выраженіе одного изъ широко распространенныхъ въ современномъ обществѣ предразсудковъ по вопросу о монашествѣ и монастыряхъ, ихъ значеніи и назначеніи (стр. 186; прим.)“. О формахъ служенія тамъ и рѣчи не было, и онѣ совсѣмъ не имѣлись въ виду, какъ показываетъ примѣчаніе, сдѣланное редакторомъ къ статьѣ Круглова. Теперь, въ отвѣтъ намъ, изъ него приводятся только слова: „мы не во всемъ согласны съ авторомъ (т. е. Кругловымъ)“, въ полномъ же текстѣ оно читается такъ: „мы далеко не во всемъ согласны съ авторомъ, въ *существенныхъ же пунктахъ статьи*, видимъ... тонкую подмѣну православно-русскаго идеала монашества идеаломъ западнымъ (см. тамже)“.—Но если въ примѣненіи къ предложенію г. Круглова дѣлается неудачная попытка отнять у ней принципиальное значеніе и весь поднятый имъ вопросъ свести къ схоластическимъ разсужденіямъ о „формахъ“, то, съ другой стороны, изъ статьи арх. Никона извлекаются такія мѣста, которыя стоятъ въ прямомъ противорѣчьи съ основными чертами нарисованнаго имъ идеала монашества и самимъ авторомъ ея понимаются, какъ мотивированная случайностями уступка міру, не нужная и бесполезная въ цѣляхъ главнаго призванія инока ¹⁾. Мы, конечно, читали его заявленіе о томъ, что монахи „не забыли“ (еще бы!) заповѣдь Евангелія о любви ближнимъ, но читали также и то, что эта любовь состоитъ въ отрѣшеніи отъ всякихъ обязанностей къ ближнему; мы помнимъ, что о. арх. Никонъ „не противъ больницъ при монастыряхъ“, но помнимъ и то, что это только „подѣліе“, препятствующее надлежащему

¹⁾ Мы здѣсь считаемся лишь съ той точкой зрѣнія арх. Никона, какая развита имъ въ Окт. кн. Душ. Чт. за 1902 г.

исполненію иноческаго долга. Излагая статью о. Никона, мы по самой задачѣ своей замѣтки, не могли входить въ особое разсмотрѣніе этихъ подробностей; мы хотѣли отмѣтить лишь *существенную* часть ея содержанія, а что сдѣланная нами тамъ характеристика его воззрѣнія на *идеаль* монашества вѣрна, видно изъ того, что она въ главныхъ пунктахъ раздѣляется всѣми, имѣвшими случай критически высказаться по поводу его статьи ¹⁾).

2) Оригинальную теорію развиваетъ г. Введенскій въ защиту отъ обвиненія въ ретроградствѣ. „Что касается до ретроградства,—разсуждаетъ онъ,—то, если разобрать дѣло какъ слѣдуетъ, и взять слово въ его прямомъ и собственномъ смыслѣ, то окажется, что уже намъ-то, служителямъ православно-богословской науки ²⁾, попрекать имъ другъ друга не приходится. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь по самой сущности нашихъ задачъ, намъ необходимо въ своихъ ученыхъ и литературныхъ работахъ дѣлать справки главнымъ образомъ въ прошломъ, *смотреть и итти назадъ*, — къ первенствующимъ временамъ христіанства и церкви. Правда, въ устахъ „прогрессистовъ“ ретроградство есть слово бранное и даже позорное. Но есть ретроградство и ретроградство, точно также самъ прогрессизмъ и прогрессизмъ. И что же дѣлать намъ—людямъ, призваннымъ къ разъясненію и отстаиванію православно-христіанской истины, — что дѣлать, если именно наши *идеалы лежатъ не впереди, а назадъ насъ, и мы должны, поэтому, всегда смотреть не pro, а retro* (стр. 130).—Признаемся, мы въ первый разъ слышимъ изъ устъ православнаго богослова рѣчи о томъ, что христіанство есть явленіе ретроградное, что идеалы его лежатъ назадъ, что церковная жизнь, богословская наука и пр. должны итти назадъ, а не впередъ. Мы всегда думали и думаемъ, что идеалы христіанства и вообще, его конституціонныя

¹⁾ См. ст. о. архим. Евдокима въ Нояб. кн. Бог. Вѣст.; статью инока въ С. П. Б. Вѣд., отчасти Стран., Мартъ, 1903, стр. 387. 488; главнымъ же образомъ напечатанное въ прошлой кн. Богосл. Вѣстн. изслѣдованіе С. И. Смирнова; см. особенно стр. 719. 738. 739. 742. 743. 746. 747.

²⁾ О „православно-богословской наукѣ“ въ нашей замѣткѣ не было и рѣчи; мы говорили лишь о публицистической дѣятельности г. Введенскаго въ области современныхъ церковно-общественныхъ вопросовъ. А это,—надѣмся,—не одно и тоже.

основы—вѣчны и неизмѣнны и, какъ вѣчныя и неизмѣнныя, они стоятъ выше пространства и времени и не могутъ быть приурочены ни къ какому хронологическому или географическому пункту. Каждая эпоха въ историческомъ развитіи христіанства вносила свою долю въ уясненіе и осуществленіе его началъ, но каждая была одинаково далека отъ полнаго ихъ усвоенія и воплощенія. Ни объ одномъ историческомъ моментѣ нельзя сказать, что вотъ здѣсь достигнуто все, заповѣданное Евангелиемъ; ибо, иначе, пришлось бы признать, что всѣ планы Божественнаго промысленія о земномъ назначеніи человѣчества уже осуществились, что христіанство уже исчерпано во всей своей теоретической и практической сущности, что дальнѣйшая исторія его не имѣетъ смысла. Ни одинъ періодъ въ прошлой жизни христіанства, поэтому, не можетъ быть признанъ идеаломъ, всесовершеннымъ образцомъ, къ точному возстановленію котораго сводилась бы вся задача его въ теперешнемъ его состояніи; и среди избранныхъ учениковъ Христа былъ Иуда, и среди первенствующей іерусалимской церкви были Ананія и Сапфира... Изученіе исторіи церкви, конечно, необходимо, и не для богослова только, но и для каждаго христіанина, но изучать прошлое—не значитъ идти назадъ, и цѣль его лежитъ не въ томъ, чтобы только повторять зады. Изученіе прошлаго необходимо для того, чтобы усвоивъ себѣ богатство оставленной имъ полноты знанія и опыта, сѣмъ стѣлаться живымъ и дѣятельнымъ членомъ церкви и внести свой (а не чужой и заимствованный) вкладъ въ процессъ возрастанія ея впередъ, а не возвращенія назадъ. И исторія христіанства представляетъ собою *прогрессъ*, а не *регрессъ*. Въ своемъ историческомъ выраженіи этотъ прогрессъ идетъ не по прямой линіи; бываютъ эпохи оживленія, бываютъ и эпохи омертвенія, но въ цѣломъ движеніе впередъ несомнѣнно. Закваска христіанскаго ученія, вложенная въ умы и сердца человѣческіе, безостановочно продолжаетъ свой процессъ окисленія и горчичное зерно царства Божія непрерывно возрастаетъ въ дерево и крѣпнеть. Можно привести много доказательствъ въ пользу того положенія, что съ теченіемъ столѣтій пониманіе христіанскихъ началъ становится качественно глубже и сфера ихъ примѣненія количественно шире. Конечно, высшая цѣль историческаго

назначенія христіанства,—то возможное, но еще трудно представляемое идеальное постиженіе и воплощеніе христіанскихъ началъ въ челоуѣчествѣ, о которомъ говоритъ ап. Павелъ (1 Кор. XV, 27. 28), отстоять отъ современнаго челоуѣчества, какъ и отъ прежнихъ поколѣній, въ неизмѣримой дали, но лежитъ она,—эта цѣль,—не назади, а впереди и чтобы содѣйствовать достиженію ея, нужно „смотреть и идти“ *pro*, а не *retro*.

3) Наконецъ, еще одно замѣчаніе... На стр. 133. 134 г. Введенскій предъявляетъ къ намъ то обвиненіе, будто бы мы, помѣстивши въ Январ. кн. Богосл. Вѣст. 1901 г. его статью „Изъ итоговъ вѣка“, этимъ самымъ тогда уже одобрили то, что теперь осуждаемъ. Но, во-первыхъ, г. Введенскому самому хорошо извѣстно, что къ редактору академическаго журнала совсѣмъ не примѣнимы тѣ требованія отвѣтственности за каждую статью по существу ея выводовъ и направленію, какія необходимо несетъ на себѣ редакторъ частнаго журнальнаго предпріятія. Академическій журналъ есть дѣло корпоративное; каждый профессоръ, разъ статья его удовлетворяетъ цензурнымъ условіямъ и извѣстному *minimum*'у научныхъ и литературныхъ качествъ, имѣетъ право помѣщать ее въ журналъ, проводить въ ней и защищать свои воззрѣнія, независимо отъ того, раздѣляются-ли они редакторомъ или нѣтъ. Г. Введенскій первый заявилъ бы противъ насъ энергичный протестъ, если бы мы, выходя изъ личныхъ соображеній, воспротивились печатанію его статьи. Въ свою очередь и помѣщеніе той или другой профессорской работы въ академическомъ журналѣ не предполагаемъ непременно „одобренія“ ея со стороны редактора въ смыслѣ полного согласія его на всѣ, развиваемыя въ ней, мысли: оно означаетъ только то, что статья найдена пригодной для журнала. Впрочемъ, на стр. 138 г. Введенскій самъ признаетъ эти особенности въ положеніи редактора академическаго журнала: „вѣдь, не всякій,—разъясняетъ онъ читателямъ Душ. Чт.,—знаетъ, что г. Спасскій высказывается лишь самъ отъ себя и на свой собственный страхъ. Иначе, пожалуй, подумаютъ, что голосъ редактора есть голосъ всей корпорации“... Если, по свойствамъ академическаго изданія, даже редакторъ его,—лицо, все-таки надѣленное извѣстной суммой довѣрія отъ корпорации,—высказывается въ своихъ

статьяхъ „на свой страхъ“ и „отъ себя“, то тѣмъ болѣе это правило примѣнимо къ статьямъ отдѣльнаго члена корпорации. Зачѣмъ же было огородъ городить?—Во-вторыхъ, статья „Изъ итоговъ вѣка“ была составлена дѣйствительно по нашей просьбѣ и—охотно это признаемъ—принята была нами съ „одобреніемъ“, но вѣдь тамъ разсужденія велись по вопросамъ, ничего общаго не имѣющимъ съ тѣми вопросами, по поводу которыхъ написана наша Янв. замѣтка. Принципъ борьбы идей Богочеловѣка и Человѣкобога былъ вполне умѣстенъ для характеристики великаго антихристіанскаго теченія, усилившагося въ извѣстныхъ сферахъ западной мысли за XIX в. и нашедшаго свое философское оправданіе въ ученіи Ницше; тамъ сила и важность обсуждаемаго явленія, такъ сказать, соразмѣрна была высотѣ приложеннаго къ объясненію его принципа: антихристіанскій характеръ движенія тамъ ясенъ и не подлежитъ сомнѣнію. Но дѣло принимаетъ совсѣмъ другой оборотъ, когда тотъ же самый принципъ переносится въ узкія границы домашнихъ споровъ и примѣняется, какъ полемическое орудіе, къ людямъ, стоящимъ на той же церковной почвѣ, но имѣющимъ смѣлость судить и думать иначе, чѣмъ это угодно редакціи Душ. Чт. Не говоря о томъ, что въ такомъ обиходномъ примѣненіи великая идея размѣнивается на мелочи, треплется и опошливается на перекресткахъ житейскихъ распрей, самая полемика пріобрѣтаетъ странный и крайне неприглядный видъ. Мы ничего не имѣли бы противъ объективной, научной и серьезной, критики, но этого нѣтъ. Вмѣсто надлежащаго обсужденія мѣръ, съ разныхъ сторонъ предлагаемыхъ теперь къ улучшенію церковной жизни, указанія ихъ недостатковъ и необходимыхъ исправленій, заподозривается въ корнѣ самое право на постановку какихъ бы то ни было вопросовъ этой области, произвольно искажаются самые прямые и чистые мотивы и вмѣсто критики начинается какое-то ковыряніе въ чужихъ мысляхъ и намѣреніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, выступилъ г. Кругловъ съ призывомъ монастырей на дѣла милостыни и благотворенія,—теперь, послѣ изслѣдованія С. П. Смирнова, можно считать доказаннымъ, что онъ оправданъ исторіей и завѣтами русскаго монашества,—его мысль произвольно истолковываютъ „какъ попытку обратить монастыри въ учрежденія общепользныя, на

утилитарно-гуманной основѣ, съ непремѣннымъ обязательствомъ для иноковъ идти на служеніе внѣшнимъ нуждамъ людей“¹⁾,—чего г. Круглову и во снѣ не снилось,—и затѣмъ объявляютъ ее „тонкой подмѣной православно - русскаго идеала монашества идеаломъ западнымъ“, „лукавымъ планомъ адскаго хитреца“. Раздаются голоса о возстановленіи прихода,—кричатъ: это попытка „къ устройенію жизни на началахъ избирательно-парламентныхъ“²⁾; заговариваютъ о желательности повышенія образованія священниковъ,—сейчасъ же подставляется свое толкованіе „на началахъ новой философіи и науки“³⁾ и т. д.,—и все это и прочее вмѣстѣ свое принципиальное осужденіе находятъ въ фантастическомъ кошмарѣ Человѣкобога, силящагося низвергнуть Богочеловѣка!

Идти *мимо* запросовъ жизни—дѣло непохвальное, но и не приносящее реального вреда! Гораздо хуже идти *противъ* запросовъ жизни, намѣренно исказять и заподозривать въ благонадежности всякое живое начинаніе и сознательно вводить общественное мнѣніе въ заблужденіе на счетъ дѣйствительнаго смысла поднимаемыхъ самою жизнію вопросовъ.

Ан. Спасскій.

1, 2, 3) См. Душ. Чт. Май, 1903, стр. 128.